

****Глава 10****

Пора бы уже прийти в себя, а то ситуация становилась совсем неловкой.

Кавех искренне не понимал, почему окружающие так спокойно реагируют на человека с горящей головой. Неужели они не видят, что это Пламя посмертной воли?

— Кхм... Я просто слышал об этом как-то раз, — попытался объяснить он. — А сегодня впервые увидел вживую.

Но вышло только хуже: оправдания звучали на редкость неубедительно.

В конце концов, большинство людей, которых встречал Цунаёши Савада и которые знали о Пламени посмертной воли, принадлежали к мафии. После долгих изнурительных тренировок Реборна Цунаёши, пусть и оставался простодушным, всё же научился базовой бдительности. К тому же рядом вертелся Ламбо, так что расслабляться не стоило.

С негромким шипением огонёк на голове Савады угас.

— Не смейте игнорировать Господина Ламбо!

Малыш Ламбо, которого до этого бесцеремонно обделили вниманием, обиженно надулся и тут же вытащил из пышной шевелюры несколько ручных гранат.

Цунаёши в панике бросился отнимать у него опасные игрушки, но, как назло, споткнулся на ровном месте и полетел на землю, увлекая за собой весь этот взрывоопасный арсенал.

— А?

События развивались слишком стремительно. Кавех даже не успел осознать, что происходит, но инстинкты сработали быстрее разума: он рванулся вперёд, пытаясь помочь растерянному Цунаёши собрать раскатившиеся бомбы.

Раздался тихий, угрожающий писк детонатора.

В общем, когда у Сюдзи Цусимы закончились уроки, перед воротами школы его встретил Кавех — с живописно взлохмаченной и слегка закопчённой шевелюрой.

"Порох..." — почуяв знакомый запах ещё на подходе к Кавеху, догадался Сюдзи.

Самое забавное, что сам виновник переполоха лучился искренней радостью. Не обращая ни малейшего внимания на прожжённую в нескольких местах одежду, он весело заявил, что они сейчас пойдут покупать сладости.

— Ну, как прошёл твой первый день? — поинтересовался Кавех, пока они шли по улице.

— Нормально, — коротко отозвался Сюдзи.

Кучка глупых, невыносимо инфантильных детей.

Сюдзи лениво прокручивал в голове события прошедших часов. Стоило ему переступить порог класса, как смазливое личико мгновенно сделало его популярным среди девочек — и, как следствие, объектом зависти и нападок со стороны мальчишек. В спину летели банальные дразнилки вроде «девчонка» и «иди играть в куклы».

— А с учителями как? С ребятами поладил? — не унимался Кавех.

— Да, учителя вежливые, да и одноклассники вполне дружелюбные.

Какая скука. Для Сюдзи не составило никакого труда нацепить вежливую маску и парой дежурных фраз переключить внимание надоедливой малышни на что-нибудь другое.

Кавех вздохнул про себя, понимая, что вытянуть из мальчика подробности не удастся.

"Наверное, мы просто ещё плохо знакомы," — мысленно успокоил себя архитектор, списывая эту смесь показного послушания и холодного отчуждения на обычную застенчивость. Он твёрдо решил во что бы то ни стало растопить этот лёд в будущем.

Вернувшись домой, Кавех так и замер на пороге, уставившись на гору бумажных пакетов, громоздящихся на журнальном столике.

— Откуда здесь столько всего?

— Кое-кто навязал, — не отрываясь от книги, ровным тоном ответил Аль-Хайтам.

Под «кое-кем» подразумевался один весьма наглый и баснословно богатый молодой господин Годзё.

Аль-Хайтам наконец оторвал взгляд от страниц, скользнул им по обгоревшим кончикам волос

Кавеха, на мгновение запнулся, но, решив не задавать лишних вопросов, невозмутимо добавил:

— Там наш ужин.

Раз уж Аль-Хайтам позаботился о еде, Кавеху оставалось только её разогреть. В подобных бытовых мелочах у них давно сложилось удивительное, почти интуитивное взаимопонимание. К тому же было очевидно, что Кавех опять умудрился спустить все свои скромные сбережения на какого-нибудь уличного бедолагу или благотворительность. А поскольку привычной таверны поблизости не наблюдалось, записать долг на счёт Аль-Хайтама он при всём желании не мог.

"Намимори, значит..."

Ещё на этапе сбора информации Аль-Хайтам мельком ознакомился с делом о «воспитании Десятого босса Вонголы». Судя по всему, неуёмный Кавех умудрился случайно вляпаться в эту мафиозную заварушку.

Сюдзи тихо примостился на краю дивана, с любопытством наблюдая за хозяином дома. Этот человек казался ему невозмутимым, словно высеченная из камня статуя — если, конечно, не считать тех моментов, когда он спорил с Кавехом.

— Можешь расслабиться. Здесь тебе ничто не угрожает, — внезапно заговорил Аль-Хайтам, не закрывая книги.

Одарённые дети, наделённые острым умом или иными необычными талантами, с самых ранних лет неизбежно оказываются чужаками среди сверстников. Обладая уникальным даром, они видят этот мир под совершенно иным углом. Им чужды обывательские страхи, и они искренне не понимают, ради чего окружающие совершают столько глупых, шитых белыми нитками ошибок.

Аль-Хайтам был именно таким. Но у него за плечами осталась мудрость покойной бабушки, её мягкие наставления и бережно переданный жизненный опыт.

Сюдзи Цусима тоже принадлежал к этой породе людей. Однако его детство было соткано из паутины чужих интересов, бесконечной грызни за власть и родственников, которые общались с ним исключительно свысока, словно делая великое одолжение.

— Твоя зажатость заставит Кавеха думать, будто он в чём-то перед тобой провинился, — спокойно продолжил Аль-Хайтам. — Что касается меня — мне совершенно всё равно, чем ты занимаешься, пока это не нарушает закон.

Прямота порой оказывалась самым эффективным инструментом общения.

При этих словах дежурная, безупречно вежливая улыбка медленно соскользнула с лица Сюдзи.

Его взгляд мгновенно потускнел, явив миру холодную, пугающе мертвенную глубину.

Аль-Хайтам негромко захлопнул книгу и, откинувшись на спинку дивана, посмотрел на мальчика спокойным, изучающим взглядом.

— Хочешь спросить о чём-то конкретном?

Есть ли что-то, что терзает тебя изнутри?

Аль-Хайтам не любил усложнять себе жизнь. Руководствуясь исключительно нежеланием делить кров с проблемным, замкнутым в себе ребёнком, он решил уделить ему немного времени и расставить точки над «i».

— Скажи... в чём смысл жизни? — негромко спросил Сюдзи, заворожённый этим глубоким, абсолютно безразличным к мирской суете взглядом.

Слова сорвались с губ прежде, чем он успел их обдумать.

"Ах... Меня поймали на крючок."

Этот человек выглядел так, словно знал ответы на все загадки мироздания, но при этом предпочитал оставаться лишь сторонним наблюдателем. Сюдзи интуитивно почувствовал в своём собеседнике родственную душу — кого-то, кто ушёл далеко вперёд по этому тёмному пути, обретя зрелость и непоколебимую внутреннюю силу. Именно эта сила и заставила мальчика задать свой главный, самый сокровенный вопрос.

Зачем люди вообще цепляются за своё существование?

Священный круг повседневности — еда, одежда, крыша над головой. Сюдзи вкусил роскошной аристократической жизни, которой так завидовали окружающие, но с тем же успехом мог бы ютиться в грязном портовом контейнере, подобно бездомному коту. Ни то, ни другое не вызывало у него ровным счётом никаких эмоций.

Процесс поглощения пищи казался ему бессмысленным ритуалом: еда превращалась во рту в безвкусную кашу, которую приходилось с трудом проталкивать в горло. Единственным исключением, пожалуй, было нежное, с едва уловимой сладковатой ноткой мясо краба.

Когда он решился на побег из семьи, его перехватил Аль-Хайтам и оформил опеку. Теперь Сюдзи ходил в школу в Намимори — формально его цель была достигнута, но реальность оказалась куда прозаичнее и скучнее, чем он рисовал в своём воображении.

Ах да, была ещё такая вещь, как «идеалы».

Сюдзи частенько слышал это слово из досужих разговоров прислуги. Для него оно оставалось пустой абстракцией. Если человеческая жизнь расписана наперёд социальными ролями и обязательствами, к чему тешить себя глупыми иллюзиями?

Похоже, Сюдзи просто ещё не встретил в этом мире ничего, что заставило бы его сердце биться чаще.

"Я словно притворяюсь человеком." — пронеслось в его голове.

Но при этом он оставался самым что ни на есть живым существом из плоти и крови.

— Пожалуй, тебе стоит найти своё «зеркало», — негромко произнёс Аль-Хайтам.

— Зеркало? — переспросил мальчик.

— Человека, который будет твоей полной противоположностью.

Сюдзи растерянно моргнул, на мгновение растеряв всю свою недетскую серьёзность и став похожим на обычного удивлённого ребёнка.

Но Аль-Хайтам не стал развивать мысль дальше. Из кухни донёсся аппетитный аромат разогретой еды, и Кавех, поставив блюда на стол, громко позвал их ужинать.

— Он... твоё зеркало? — внезапно спросил Сюдзи, глядя на суетящегося у стола архитектора. В его голове будто бы сошлись детали сложного пазла.

Вместо ответа Аль-Хайтам лишь слегка подтолкнул его плечом, увлекая за собой к обеденному столу.

— Попробуй найти этот ответ сам.

Кавех, заслышав обрывки их таинственного разговора, тут же нахмурился и попытался расспросить, о чём речь. Однако стоило Аль-Хайтаму мимоходом раскритиковать выбранный им суп, как архитектор мгновенно вспыхнул. Завязалась очередная бурная перепалка, и Кавех напрочь забыл о своём первоначальном любопытстве.

"Зеркало, значит..." — задумчиво размышлял Сюдзи, наблюдая за их шумной, но такой живой и настоящей ссорой.

Забытая всеми в углу Система, принявшая облик Системного плесенника, беззвучно хлюпала носом от избытка чувств. Разразившись беззвучными рыданиями, она мысленно наглаживала

себя по крохотной шляпке, радуясь, что не ошиблась с выбором этой невероятной компании.

<http://bllate.org/book/18256/1755645>